

ВИКТОРИЯ УШИНСКИЕНЕ

Вильнюсский университет

К вопросу о формировании польских говоров в Литве: полемика вокруг Г. Турской

Несмотря на достаточно активные исследования периферийных польских говоров во второй половине XX–начале XXI вв., некоторые важные моменты их истории до сих пор не получили в литературе однозначной интерпретации. Это касается, в частности, проблемы определения языкового субстрата, а также хронологии формирования польских говоров на территории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Статья посвящена систематизации существующих подходов к данной проблеме (на основе работ К. Нича, Г. Турской, В.Н. Чекмонаса, Я. Ригера, И. Грек-Пабисовой, И. Марыняковой и др.).

Если в условиях автохтонного развития этнического языка его деловая подсистема складывается на основе территориальных диалектов, то в ВКЛ этот процесс имел обратную направленность: территориальные польские говоры формировались здесь под влиянием языка образованной части польского населения, причем сплошные ареалы польских говоров в сельской местности, как показала еще Г. Турска, образовались здесь довольно поздно (около второй половины XIX в.) в результате постепенной полонизации деревни (как литовской, так и белорусской). Попытки некоторых ученых сдвинуть время их образования на более ранний период — на XVI–XVIII в. — пока представляются недостаточно убедительными.

Ключевые слова: польские говоры Литвы, северный периферийный диалект, польская культура в ВКЛ.

1. Введение

По данным переписи 2011 г. [LG 2012, 20] поляки составляют 6,6 % населения Литвы (200 317 чел.). Основная их масса проживает в сельской местности (ок. 70%) в юго-восточных и южных районах [LG 2012, 23]. На пограничье с Белоруссией они образуют почти сплошной массив, а далее на север проживают вперемешку с литовцами. Вне юго-восточной Литвы “архипелаг” островков польского населения расположен к

Карта-схема 1. Географическая концентрация поляков в Литве

северу от Каунаса, а также в соседних Йонавском и Кедайнском районах (см. карту-схему 1. *Географическая концентрация поляков в Литве*).

Польский язык в Литве представлен несколькими территориальными и функциональными вариантами:

- в области культуры и образования преобладает т. наз. *культурный диалект*, то есть местная разновидность польского литературного языка;
- в сфере устного общения (в быту), особенно в сельской местности, используются говоры т. наз. *северного периферийного диалекта*¹ (польск. *dialekt północnokresowy* от *kresy* ‘периферия, окраина’) [о проблемах терминологии см.: Kurzova 1993, 62–64; Karaś 2002, 22, 47].

Сельские говоры неоднородны в языковом отношении:

- только по-польски сельское население говорит на небольшом островке в Тракайском районе, в северной части Вильнюсского района, в южной части Ширвинтского и в небольших ареалах в зоне Зарасай—Турмантас;
- всю южную часть Вильнюсского района, Шальчининкский район и восточную часть Тракайского района, а также полосу, прилегающую к Белоруссии в Швенчёнском районе, населяют поляки (по их самоопределению), для которых домашним языком является т. наз. *простая мова* (польск. *prosta mowa*), то есть белорусские

говору; польским здесь (в разной степени) владеют в основном представители старшего и среднего поколения, молодежь зачастую польского языка избегает, предпочитая общаться на русском или литовском [Чекмонас 1995, 9].

Несмотря на активные исследования периферийных польских говоров во второй половине XX—начале XXI вв., некоторые важные моменты их истории до сих пор не получили в литературе однозначной интерпретации. Это касается, в частности, проблемы определения языкового субстрата, а также хронологии формирования польских анклавов на территории бывшего ВКЛ. Данная статья посвящена систематизации существующих подходов к этой проблеме (на основе работ К. Нича, Г. Турской, В.Н. Чекмонаса, Я. Ригера, И. Грек-Пабисовой, И. Марыняковой и др.).

2. Особенности формирования культурного диалекта

2.1. Систематическое изучение польского языка на территории бывшего ВКЛ началось на рубеже XIX—XX вв. [Kurkowa 1993, 44–45]. Более ранние работы имели скорее общую культурно-историческую направленность, поэтому научные данные, собранные к началу XX в., проясняли прежде всего главные причины распространения в Литве польской культурной традиции вообще, что в свою очередь позволило обозначить основные особенности формирования польского *культурного диалекта*, то есть языка образованных слоев населения. История его возникновения связана с двумя основными процессами: 1) с переселением польских колонистов с этнической польской территории (о чем свидетельствуют мазовецкие и малопольские черты в языке, см.: [Urbańczyk 1988; Grek-Pabisowa 1992; Maryniakowa 1999]); 2) с полонизацией местной социальной верхушки.

2.2. Если не считать спорадических контактов между Польшей и Литвой в XII—XIII вв. (в результате войн или династических браков) [Abraham 1914, 12–14], можно утверждать, что начало распространению польского языка в Литве положили унии между польским и литовским государствами — первоначально с целью совместного противостояния экспансиям как с запада, так и с востока. В 1385–1386 гг. Великий князь Литовский Ягайло (Ягелло) заключил династический брак с польской королевой Ядвигой, принял католичество и подписал Кревскую унию. Однако литовская знать во главе с князем Витаутасом (Витовтом) решительно воспротивилась потере самостоятельности: Кревская уния была временно расторгнута и возобновлена только в 1401 г. на условиях равноправия сторон, подтвержденного также Городельской унией 1413 г.

После смерти Витаутаса (1430 г.) распри между его преемниками привели к новому усилению униатской политики, в результате чего в 1569 г. была подписана Люблинская уния, окончательно объединившая Польское королевство и ВКЛ в единое государство — Речь Посполитую.

2.3. Объединение практически упразднило межгосударственную границу, создавая условия для свободного перемещения населения, в результате чего начался массовый наплыв польских колонистов (мелкой и средней шляхты, ремесленников, служащих, духовенства) на относительно мало заселенную территорию ВКЛ [Natanson-Leski 1964, 145–150]. Развитие городов, получивших Магдебургское право, также способствовало процессу колонизации [Wasilewski 1912, 42; Wielhorski 1928, 138].

2.4. Другим серьезным последствием воссоединения с Польшей стало постепенное заимствование литовской шляхтой польских культурных образцов. Процесс этот проходил неравномерно и был непосредственно связан с принятием в 1387 г. католичества, после чего, согласно Городельской унии 1413 г., перешедшие в католичество магнаты получали шляхетские гербы и привилегии по образцу польских. Огромное значение имело и то, что польский был языком королевского двора, обычаем которого старались подражать литовские магнаты; их вассалы — многочисленная и разнородная шляхта — следовали в этом отношении своим господам. Таким образом, после Люблинской унии польский все более воспринимался как язык социальной верхушки, то есть *наиболее престижный* на мультикультурном пространстве ВКЛ [Kurzowa 1993, 32–35].

2.5. Формированию этого мнения способствовало и непосредственно связанное с польской культурной традицией католическое духовенство. В условиях острой борьбы с протестантизмом, получившим в XVI в. широкое распространение среди литовской шляхты, в костелах пропагандировалась идея “настоящий христианин — это католик, а католик — это поляк” [там же, 20–22]. В 1570 г. для борьбы с протестантизмом в Вильно была открыта иезуитская коллегия, преобразованная в 1579 г. в Вильнюсский университет, ставший со временем одним из главных очагов формирования польскоязычной интеллигенции. “Польскость” постепенно становилась признаком не только шляхетства, но и высокого уровня культуры. Таким образом, сначала магнаты, затем зажиточная шляхта и богатое мещанство, а с XVII в. и мелкая шляхта начали все шире пользоваться польским языком в общественной жизни и быту.

2.6. Языковая полонизация свободных и образованных слоев ВКЛ привела к вытеснению из употребления сначала основного делового

языка княжества — *старобелорусского*² (с середины XVII в.), а затем и молодого литовского литературного языка. В 1697 г. специальным решением сейма польскому был присвоен статус основного письменного языка ВКЛ. Иначе говоря, на рубеже XVII–XVIII вв. все внутреннее делопроизводство княжества законодательным образом было переведено на польский язык. Однако тот факт, что до конца XVII в. польский культурный диалект формировался в ВКЛ в условиях тесного взаимодействия со старобелорусским деловым языком (как разговорным, так и письменным), имел свои последствия: взаимная языковая интерференция способствовала образованию польского регионального варианта с набором специфических черт, отличающих его как от других периферийных диалектов, так и от общепольской нормы [Kurzowa 1993, 33–35; Gordziejew 2004, 281–294; Ušinskienė 2014, 52–54].

3. Проблема происхождения сельских говоров: концепция Г. Турской

3.1. Если история возникновения польского культурного диалекта в Литве не вызывает у ученых особых разногласий, то проблема происхождения сельских говоров до сих пор не получила в литературе однозначной интерпретации. Еще в начале XX в. историки отмечали, что в период до разделов Речи Посполитой, то есть до конца XVIII в., вне городов и шляхетских поместий не было компактных польскоязычных территорий [Wasilewski 1912, 42–50; Moszyński 1918, 22–23; Jakubowski 1930, 452–456], то есть первая волна полонизации, охватившая шляхту и образованные слои ВКЛ, не затронула зависимых крестьян, которые по-прежнему пользовались литовским или белорусским языком. Первым языковедом, попытавшимся уточнить время появления польских говоров в сельских регионах Литвы, стал Казимеж Нич, опубликовавший в 1925 г. статью *Język polski w Wileńszczyźnie (Польский язык в Виленском крае)*, в которой он предположил, что виленские говоры сформировались не ранее XIX в. [Nitsch 1925, 25–32]. Формулируя свою точку зрения, Нич опирался как на собственные полевые исследования, так и на материалы других диалектологов — О. Хоминьского и Я. Розвадовского, а также на статистические данные этнографа Казимежа Мошиньского, опубликованные в 1918 г. в статье *Stosunki narodowościowe w Wileńskiem (Национальные отношения в Виленском крае)* [Moszyński 1918, 22–27].

3.2. Точку зрения Нича подтвердила, уточнила и серьезно аргументировала диалектолог Галина Турска, которая в результате собственных полевых исследований в 20–30-х гг. XX в. собрала и систематизировала

богатый материал, легший в основу ее докторской диссертации (1939 г.). В первой части работы, посвященной происхождению польскоязычных ареалов в Виленском крае (*O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*), Турска впервые обозначила границы трех компактных польскоязычных анклавов:

1. вильнюсского, расположенного в основном на правом берегу р. Вилии (Нерис) по обе стороны польско-литовской границы после 1920 г., приблизительно между Кернаве и Швенчёнелей;
2. каунасского, целиком находящегося на территории тогдашней Литовской Республики, а именно — на север от Каунаса в треугольнике между рр. Неманом, Вилией (Нерис) и Невежисом;
3. смолвенского, между Видзами и Зарасай (в северо-западной части тогдашней Польши и прилегающих к ней гминах Литовской Республики) [Turska 1939/1982, 21–30].

Таким образом, по мнению Турской, в XIX в. в трех разных местах бывшего ВКЛ независимо друг от друга и на значительном расстоянии от этнографической Польши начался довольно активный процесс полонизации местного крестьянства. Показательно, что подобный процесс не наблюдался в других частях бывшего ВКЛ ни среди католического белорусского населения, ни тем более среди православных. Поэтому ученая предположила, что на отмеченных ею территориях существовали особые причины перехода населения на польский язык (помимо общего усиления польского влияния в Литве в первой половине XIX в.).

3.2.1. Относительно истории образования каунасского ареала Турска приняла точку зрения историка Яна Якубовского, по мнению которого данный ареал сложился в XIX в. под влиянием огромного количества шляхетских околиц и поместий, где знание польского языка, уже принятого шляхтой, “должно было постепенно распространяться и среди простого народа” в результате регулярных связей между поместьем и деревней [Jakubowski 1930, 450–456; Turska 1939/1982, 26].

3.2.2. Другие условия, по мнению ученой, должны были способствовать распространению польского языка в вильнюсском и смолвенском ареалах, поскольку на этой территории не было больших средоточий оседлой шляхты [Turska 1939/1982, 21, 60]. Еще до Турской обращалось внимание на одну характерную деталь, а именно — на продолговатую форму польскоязычных островов, тянущихся вдоль бывшей литовско-белорусской этнографической границы [Jakubowski 1930, 452; Nitsch 1925, 25–32]. Отсюда делался вывод, что польский язык переняло не столько литовское население региона, сколько белорусское, для которого близость родного языка с польским облегчала усвоение последнего.

Однако результаты полевых исследований Турской, а также привлечение данных переписи населения 1890 г. (с учетом рубрики “домашний язык жителей”) позволили ей сделать вывод, что основную массу полонизированного населения составили именно литовцы, в то время как белорусы подверглись полонизации только на узкой полосе, прилегающей к литовскому ареалу [Turska 1939/1982, 29–34]. Характерно, что в определенных местах польский язык не переступил смешанной литовско-белорусской зоны в направлении белорусского ареала. Таким образом, на определенном пространстве старая литовско-белорусская граница со временем стала польско-белорусской. Показательно, что полной полонизации не подвергалась ни одна парафия, в которой во время действия этого процесса население было только белорусским [там же].

3.2.3. Непосредственное общение Турской с информантами позволило заметить, что полонизация сельских жителей в ареале с литовским субстратом была тесно связана с их социальным статусом: в первую очередь польский язык принимали зажиточные крестьяне, зачастую занимавшие какую-либо должность (лесничего, старосты и т. п.). Каждого крестьянина, говорящего по-польски, соседи-литовцы называли “шляхтой”, поскольку польский язык воспринимался как язык господский, просвещенный, язык костела (многие ксендзы внушали пастве, что литовский, как язык низкий, языческий, непонятен богу и молитвы на нем не доходят до Господа).

3.2.4. Иначе было в ситуации с белорусами, у которых польский язык не вызывал особых коммуникативных трудностей: они понимали поляков, а поляки понимали их. Поэтому крестьянин-белорус не чувствовал необходимости отказываться от своего языка. Польский язык, который он с легкостью усваивал, становился для него лишь *культурным диалектом*, употребляемым в основном для внешнего общения, тогда как для целей повседневных, домашних он по-прежнему пользовался родным белорусским [Turska 1939/1982, 60; Moszyński 1918, 23].

Иллюстрацией различного восприятия польского языка литовцами и белорусами послужило, в частности, отношение к нему мелкопоместной шляхты в густо заселенных ею местах. Так, в Ковенском повете, то есть на исконно литовской территории, мелкая шляхта не только сама придерживалась польского языка, но еще и насаждала его среди литовского крестьянства, которое постепенно отказывалось от родного языка в пользу польского [Jakubowski 1930, 458; Turska 1939/1982, 60]. В вильнюсском же регионе, где мелкие шляхетские поместья были разбросаны между белорусскими деревнями, крестьянин не только не перенимал польского языка от шляхты, но и сама шляхта, общаясь с деревней и

наемной челядью, говорила в основном по-белорусски, употребляя этот язык наряду с польским [Turska, там же; Kurzowa 1993, 45].

3.2.5. В результате опроса крестьян в возрасте 80–90 лет, то есть родившихся примерно в середине XIX в., Турска пришла к выводу, что отход от этнического языка в польских ареалах с литовским субстратом начался лишь в третьей четверти XIX в., причем процесс этот был таким стремительным, что родившиеся в 80–90 гг. XIX в. уже ничего или почти ничего не понимали по-литовски. По признаниям многих информантов, их родители (деды) использовали литовский язык как тайный, когда не хотели, чтобы дети поняли суть разговора [Turska 1939/1982, 34–35]. Иначе говоря, поколение, рожденное в последние десятилетия XIX в., выросло и воспитывалось уже в польской языковой традиции.

3.2.6. На основе полученных данных исследовательница сделала вывод, что вхождение польского языка в повседневную жизнь литовских крестьян “было процессом стихийным и добровольным”, вызванным по сути утилитарными соображениями, а именно — желанием улучшить свое социальное и имущественное положение в новых экономических условиях, сложившихся после отмены крепостного права [там же, 118–119].

3.3. Судьба исследования Турской оказалась на редкость драматичной. Рукопись была сдана в набор накануне Второй Мировой войны. Во время первых же бомбежек Вильнюса типография, где печаталась книга, была разрушена. Большая часть рукописи сгорела или была утеряна. Сохранились лишь первые 45 параграфов из 118 (144 страницы без титульного листа). Профессор Вильнюсского университета Зигмас Зинкявичюс отдал много сил, стараясь отыскать следы утерянной части в архивах, но безуспешно. В результате перипетий военного и послевоенного времени польская научная общественность смогла познакомиться с исследованием Турской лишь в начале 80-х гг. XX в., когда сохранившаяся часть книги была опубликована в 1 томе издания “*Studia nad polszczyzną kresową*” (под ред. Я. Ригера и В. Л. Веренича, 1982 г.) [19–121].

4. Дискуссия конца XX–начала XXI вв.

4.1. Несмотря на упомянутые трудности, взгляды Г. Турской, основанные не только на полевых исследованиях, но также на глубоком изучении исторических и статистических данных, были приняты большинством ведущих специалистов как в Литве и Белоруссии [напр.: Zinkevičius 1993; Gaučas 2004; Веренич 1973, 6, 12–13; Чекмонас 1995, 3–57], так и в Польше [напр.: Kurzowa 1993, 36–37; Rieger 1995, 31–38; Koniusz 2001]. Однако на рубеже XX–XXI вв. они подверглись се-

рьезной критике со стороны ряда польских исследователей, прежде всего — Ириды Грек-Пабисовой и Ирены Марыняковой.

4.1.1. По мнению И. Грек-Пабисовой, процесс полонизации литовской деревни начался не позднее XVI в., поскольку столь быстрое распространение польского языка в более поздний период “должно было проходить на хорошо подготовленной почве” [Grek-Pabisowa 1992, 60]. Приводя в качестве примера описанный в литературе [Topolska 1987, 147–166; Jurkiewicz 1994, 252–253] польскоязычный островок в белорусском Полесье, где некогда поселились колонисты из Польши, ученая предполагает, что и на литовско-белорусском пограничье сельские островки переселенцев могли сложиться намного раньше, чем отмечала Турска.

4.1.2. Еще дальше идет И. Марынякова, формулируя тезис о “непосредственной связи” польских говоров в Литве с северо-восточными говорами в самой Польше и тем самым предполагая автохтонное происхождение польских говоров вильнюсского региона. Свою позицию она мотивирует тем, что многие черты польских говоров Литвы и Белоруссии совпадают с особенностями говоров Подлясья и Мазовша [Maryniakowa 1992, 154–156; 1997, 181–190; см. также: Zdaniukiewicz 1992, 271–276].

4.1.3. Таким образом, обе исследовательницы считают, что процесс полонизации литовско-белорусских крестьян начался не позднее XVI в., постепенно набирая силу под влиянием костела и шляхетских поместий, что привело во второй половине XIX в. к образованию компактных польскоязычных ареалов. В качестве дополнительного аргумента обе отмечают, что в противном случае польский язык просто не выдержал бы натиска русификации со стороны Российской империи [Grek-Pabisowa 1992, 61; Maryniakowa 1992, 153]. Сама Турска, напротив, считала, что политика русификации как раз способствовала усилению позиций польского языка как мощного инструмента сопротивления.

4.2. Против концепции И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой выступил известный польский славист Януш Ригер в статье *W sprawie genezy i ewolucji polszczyzny w Wielkim Księstwie Litewskim (К вопросу о генезисе и эволюции польского языка в ВКЛ)* [Rieger 1995, 31–38]. Принимая положение о важной роли шляхетских поместий как источника и образца польского языка в сельской местности (что, впрочем, отмечала и сама Турска), Ригер довольно остро критикует тезис о распространении польского языка “на уже подготовленной почве”, то есть в результате значительного количества переселенцев из Польши,

подчеркивая отсутствие каких-либо серьезных фактических аргументов [там же, 32–33].

4.3. На фоне развернувшейся в Польше полемики, в Вильнюсе в 1995 г., благодаря стараниям Валерия Николаевича Чекмонаса и его соратников, было осуществлено переиздание труда Г. Турской, дополненное русским и литовским переводами, а также обширным предисловием и комментариями профессора [Чекмонас 1995, 3–57]. Принимая основные положения книги Турской, В. Н. Чекмонас подчеркивает, что она привела неопровержимые свидетельства того, что в основе виленских сельских говоров лежит уже сложившийся к тому времени местный культурный диалект, причем характерные особенности всех разновидностей польского языка в Литве возникли в результате влияния на них белорусских и литовских говоров [там же, 40].

4.3.1. Сравнивая выделенные Турской польскоязычные анклавные с данными собственных полевых исследований, В. Н. Чекмонас отмечает, что в вильнюсском ареале (который он предлагает называть “завилейским”) довольно четко выделяются три центра более раннего распространения и преобладания польского языка: буйвиджский, гедрайчский и кярнавский, причем два первых, по данным В. Н. Чекмонаса, были местами скопления шляхетских поселений: “до сих пор жителей между Вильнюсом—Буйвиджяй—Неменчине называют «буйвидзской шляхтой» или «подвиленской шляхтой»” [там же, 38]. Границы ее расселения во многих случаях удается восстановить с точностью до деревни. Таким образом, механизм образования этих польскоязычных островков, по мнению Чекмонаса, был таким же, как и в каунасском анклаве.

Подлинным центром смолвенского ареала, по мнению В.Н. Чекмонаса, является не местечко Смолвы (Смалвос), в котором до войны было всего три хозяйства, а скопление поселений мелкой шляхты между Турмонтом—Смолвами—Кимбартишками. Польскоязычные деревушки тянулись от Турмонта (Турмантаса) вплоть до Зарасай, однако после войны большинство коренного населения выехало отсюда в Польшу, поэтому в настоящее время можно говорить только об остатках польскоязычности в отдельных деревнях этого ареала [там же, 39].

Наблюдения В. Н. Чекмонаса показывают, что во времена Г. Турской и вильнюсский, и смолвенский ареалы в языковом отношении были гораздо менее однородными, чем это полагала исследовательница. Несомненно то, что литовский язык тогда знало значительное количество семей, степень владения польским очень варьировалась не только от деревни к деревне, но и от семьи к семье [там же].

4.4. В начале XXI в. концепцию Г. Турской поддержала еще одна польская исследовательница — Эльжбета Конюш, изучавшая материалы по периферийным говорам, собранные Яном Карловичем, виднейшим польским диалектологом и этнографом XIX в. [Koniusz 2001; Koniusz 2005]. Конюш подчеркивает, что в созданной Карловичем около 1866 г. классификации диалектного материала из Литвы им отмечена особая группа — “регионализмы литовцев, с трудом (то есть совсем недавно?) говорящих по-польски”. Кроме того, она указывает, что анализ собранных Карловичем материалов из разных регионов Литвы позволил обнаружить значительное количество заимствований из литовского языка, датируемых XIX в. Для ряда литуанизмов не удалось установить белорусского посредничества, а это, “несомненно, свидетельствует, что источником таких материалов были польские говоры, возникшие на этнически литовской территории, в частности, язык крестьян, полонизированных недавно (то есть во второй половине XIX в.)” [Koniusz 2001, 94, 134–135, 161–166]. Э. Конюш, как и Я. Ригер, полагает, что попытка И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой сместить временные рамки образования польских говоров в ВКЛ на XVI–XVIII вв. требует серьезных исторических доказательств, однако состояние исследований над историей массовых переселений средних и низших сословий из этнической Польши в Литву все еще остается недостаточным [Koniusz 2005, 113].

4.5. Среди немногих работ польских историков, посвященных данной проблеме, стоит упомянуть статью Яна Юркевича *Osadnictwo polskie w Wielkim Księstwie Litewskim w świetle badań historycznych (Польские переселенцы в ВКЛ в свете исторических исследований)* [Jurkiewicz 1994]. В ней автор отмечает значительные расхождения польских историков в вопросе как размаха, так и самой возможности миграции в Литву крестьянских масс, подчеркивая, что официальная точка зрения по поводу польских колонистов все еще соответствует ставшим уже классическими взглядам Генрика Ловмянского [Łowmiański 1983] и Юлиуша Бардаха [Bardach 1988]. Иначе говоря, на данный момент нет научных данных, которые позволили бы установить непосредственную связь между миграциями крестьян из Польши и образованием польскоязычных анклавов на территории Литвы. Тем не менее, некоторое влияние колонистов автор все же допускает, подчеркивая роль костела, двора, школы и города [там же, 252].

5. Выводы

5.1. Возникновение и развитие польского языка на территории бывшего ВКЛ было обусловлено двумя историческими факторами: (1) усилившейся в результате подписания уний иммиграцией населения из Королевства Польского, а также (2) процессом полонизации автохтонного населения. Однако по силе своего воздействия данные процессы не были равнозначны: основную роль сыграла именно полонизация, постепенно охватившая различные социальные слои ВКЛ.

5.2. Определенные предпосылки для формирования в ВКЛ польского *культурного диалекта* возникли уже на рубеже XIII–XIV вв., однако решающие условия для его развития сложились позже, в XVI в., благодаря массовым контактам польской и литовско-(бело)русской шляхты после подписания Люблинской унии. К концу XVIII в. процесс полонизации охватил большую часть шляхты и городского населения Литвы.

5.3. Отмеченные исторические условия обусловили особый характер взаимоотношений между *культурным диалектом* и *местными польскими говорами*. Если в условиях автохтонного развития этнического языка его официально-деловая подсистема складывается на основе территориальных диалектов, то в ВКЛ этот процесс имел обратную направленность: польские говоры развились здесь под влиянием уже сформировавшегося культурного диалекта.

5.4. Сплошные ареалы *польских территориальных (сельских) говоров* образовались в ВКЛ не позднее второй половины XIX в. в результате постепенной полонизации деревни — как литовской, так и белорусской. Попытки некоторых ученых сдвинуть время их образования на более ранний период, а именно — на XVI–XVIII в., пока представляются недостаточно убедительными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Периферийные (кресовые) польские диалекты* (из польск. *dialekty kresowe, polszczyzna kresowa*) — территориальные разновидности польского языка, рассматриваемые как самостоятельные диалектные объединения, распространенные в Литве, Белоруссии, на Украине, а также в некоторых районах Латвии и Польши. Название “периферийные” определяет окраинное географическое положение этих говоров по отношению к центральному району Польши, где формировались основные польские диалекты. Общий массив периферийных польских говоров разделяется на два диалекта: *северный (северо-восточный)*, польск. *dialekt północnokresowy, polszczyzna północnokresowa*) и *южный (юго-восточный)*, польск. *dialekt południowokresowy, polszczyzna południowokresowa*). Периферийные диалекты складывались в течение сравнительно длительного времени (с XV по XX вв.) в результате экспансии поль-

ского языка на земли ВКЛ и Галицко-Волынской Руси, сопровождавшейся различного рода языковыми контактами.

² *Старобелорусский письменный язык* (иначе — *западнорусский, восточнославянский канцелярский*; оригинальное название в памятниках — *руська мова*, польск. *język ruski*, лат. *lingua ruthenica*) — основной канцелярский язык ВКЛ, на котором преимущественно велось внутреннее делопроизводство княжества до середины XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Веренич В.Л., 1973: Состояние и перспективы изучения “польщизны кресовой”, in Мартынов В.В. (ред.), *Польские говоры в СССР*. Ч. 1. Минск, 183–201.
- Чекмонас В. Н., 1995: Предисловие. Вступительная статья, in Турска Г., *О происхождении польскоязычных ареалов в Вильнюсском крае / O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*. Vilnius, 3–57.
- Abraham W., 1914: Polska a chrzest Litwy, in *Polska a Litwa w dziejowym stosunku*. Kraków, 3–36.
- Bardach J., 1988: *O dawnej i niedawnej Litwie*. Poznań.
- Gaučas P., 2004: *Etnolingvistinė Rytų Lietuvos gyventojų raida: XVII a. antroji pusė–1939 m.: istorinė-geografinė analizė*. Vilnius.
- Gordziejew J., 2004: Uwagi o białorusko-polskich kontaktach językowych w miastach Wielkiego Księstwa Litewskiego, *Studia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 49, Nr 3–4. 281–294.
- Grek-Pabisowa I., 1992: Język polski na Kresach północno-wschodnich. Legendy a rzeczywistość, *Z polskich studiów slawistycznych*. Ser. VIII. 55–62.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I., 1999: *Współczesne gwary polskie na dawnych Kresach północno-wschodnich*. Warszawa.
- Grek-Pabisowa I., 2002: *Współczesne gwary polskie na Litwie i Białorusi. Fonetyka*. Warszawa.
- Jakubowski J., 1930: Język polski na Kowieńszczyźnie, *Przegląd Współczesny*, 32. 450–456.
- Jurkiewicz J., 1994: Osadnictwo polskie w Wielkim Księstwie Litewskim w świetle badań historycznych, *Acta Baltico-Slavica*, XXII. 237–255.
- Karaś H., 2002: *Gwary polskie na Kowieńszczyźnie*. Warszawa—Puńsk.
- Koniusz E., 2001: *Polszczyzna z historycznej Litwy w „Słowniku gwar polskich” Jana Karłowicza*. Kielce.
- Koniusz E., 2001/2002. Z problematyki badań nad polszczyzną wileńską (geografia, historia, współczesność), *Acta Baltico-Slavica*, XXVI. 7–23.
- Koniusz E., 2005: Powstanie i pochodzenie gwarowej polszczyzny wileńskiej w świetle dotychczasowych badań, *Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique*, LXI. 101–118.
- Kurzowa Z., 1993: *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Warszawa—Kraków.
- LG = Lietuvos gyventojai, 2012: *Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai/Lithuanian 2011 Population Census in Brief*. Vilnius.
- Łowmiański H., 1983: *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Poznań.

- Maryniakowa I., 1992: Związki gwar polskich Wileńszczyzny z gwarami na terenie Polski, in Kubiak H. i in. (red.), *Mniejszości polskie i Polonia w ZSRR*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 152–155.
- Maryniakowa I., 1997: Polskie gwarowe obszary północno-wschodnie wobec pojęcia „kresy”, in Handke K. (red), *Kresy — pojęcie i rzeczywistość*. Warszawa, 181–190.
- Maryniakowa I., 1999: Związki polszczyzny północnokresowej z Podlasiem i Mazowszem, *Acta Baltico-Slavica*, XXIV. 163–178.
- Moszyński K., 1918: Stosunki narodowościowe w Wileńskim, *Myśl Polska*, t. IV, z. I–II. 22–27.
- Natanson-Leski J., 1964: *Rozwój terytorialny Polski od czasów najdawniejszych do okresu przebudowy państwa w latach 1569–1572*. Warszawa.
- Nitsch K., 1925: Język polski w Wileńszczyźnie, *Przegląd Współczesny*, t. XII. 25–32.
- Ochmański J., 1986: *Dawna Litwa: Studia historyczne*. Olsztyn.
- Rieger J., 1995: W sprawie genezy i ewolucji polszczyzny w Wielkim Księstwie Litewskim, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. VIII. 31–38.
- Topolska M. B., 2002: *Spółczesność i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku*. Poznań—Zielona Góra.
- Turska H., 1925/1983: Język polski na Wileńszczyźnie, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. II. 15–23 [Przerdruk].
- Turska H., 1939/1982: O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. II. 15–23 [Przerdruk].
- Urbańczyk St., 1988: Kto uczył Litwinów mówić po polsku, *Język Polski*. T. LXVIII. 210–212.
- Ušinskienė V., 2014: Komunikacja prawna Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle nowego projektu naukowego Biblioteki Uniwersytetu Wileńskiego, in *Kalbą ir literatūrą funkcionavimas Lietuvoje. Lietuvių-lenkų moksliniai ir kultūriniai ryšiai / Funkcjonowanie języków i literatur na Litwie. Litewsko-polskie związki naukowe i kulturowe*. Vilnius, 42–53.
- Wasilewski L., 1912: *Litwa i Białoruś. Przeszołość—Teraźniejszość—Tendencje rozwojowe*. Kraków.
- Wielhorski W., 1928: *Litwa etnograficzna. Przyroda jako podstawa gospodarcza, rozwój stosunków narodowościowych*. Wilno.
- Zdaniukiewicz A.A., 1992: O powstaniu i rozwoju języka polskiego na Kresach wschodnich — polemicznie, in *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria VIII, 171–176.
- Zinkevičius Z., 1993: *Rytų Lietuva praetyje ir dabar*. Vilnius.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Abraham W., 1914: Polska a chrzest Litwy, in *Polska a Litwa w dziejowym stosunku*. Kraków, 3–36.
- Bardach J., 1988: *O dawnej i niedawnej Litwie*. Poznań.
- Chekmonas V. N., 1995: Predislovie. Vstupitel'naja stat'ja, in Turska G., *O proishozhdenii pol'skojazychnyh arealov v Vil'njusskom krae / O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*. Vilnius, 3–57.

- Gaučas P., 2004: *Etnolingvistinė Rytų Lietuvos gyventojų raida: XVII a. antroji pusė–1939 m.: istorinė-geografinė analizė*. Vilnius.
- Gordziejew J., 2004: Uwagi o białorusko-polskich kontaktach językowych w miastach Wielkiego Księstwa Litewskiego, *Studia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 49. Nr 3–4, 281–294.
- Grek-Pabisowa I., 1992: Język polski na Kresach północno-wschodnich. Legendy a rzeczywistość, *Z polskich studiów slawistycznych*. Ser. VIII, 55–62.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I., 1999: *Współczesne gwary polskie na dawnych Kresach północno-wschodnich*. Warszawa.
- Grek-Pabisowa I., 2002: *Współczesne gwary polskie na Litwie i Białorusi. Fonetyka*. Warszawa.
- Jakubowski J., 1930: Język polski na Kowieńszczyźnie, *Przegląd Współczesny*, 32, 450–456.
- Jurkiewicz J., 1994: Osadnictwo polskie w Wielkim Księstwie Litewskim w świetle badań historycznych, *Acta Baltico-Slavica*, XXII, 237–255.
- Karaś H., 2002: *Gwary polskie na Kowieńszczyźnie*. Warszawa—Puńsk.
- Koniusz E., 2001: *Polszczyzna z historycznej Litwy w „Słowniku gwar polskich” Jana Karłowicza*. Kielce.
- Koniusz E., 2001/2002: Z problematyki badań nad polszczyzną wileńską (geografia, historia, współczesność), *Acta Baltico-Slavica*, XXVI, 7–23.
- Koniusz E., 2005: Powstanie i pochodzenie gwarowej polszczyzny wileńskiej w świetle dotychczasowych badań, *Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique*. LXI, 101–118.
- Kurzowa Z., 1993: *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Warszawa—Kraków.
- LG = Lietuvos gyventojai, 2012: *Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai / Lithuanian 2011 Population Census in Brief*. Vilnius.
- Łowmiański H., 1983: *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Poznań.
- Maryniakowa I., 1992: Związki gwar polskich Wileńszczyzny z gwarami na terenie Polski, in Kubiak H. i in. (red.), *Mniejszości polskie i Polonia w ZSRR*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 152–155.
- Maryniakowa I., 1997: Polskie gwarowe obszary północno-wschodnie wobec pojęcia „kresy”, in Handke K. (red), *Kresy — pojęcie i rzeczywistość*. Warszawa, 181–190.
- Maryniakowa I., 1999: Związki polszczyzny północnokresowej z Podlasiem i Mazowszem, in *Acta Baltico-Slavica*. XXIV, 163–178.
- Moszyński K., 1918: Stosunki narodowościowe w Wileńskiem, *Mysł Polska*. T. IV, z. I–II, 22–27.
- Natanson-Leski J., 1964: *Rozwój terytorialny Polski od czasów najdawniejszych do okresu przebudowy państwa w latach 1569–1572*. Warszawa.
- Nitsch K., 1925: Język polski w Wileńszczyźnie, *Przegląd Współczesny*. T. XII, 25–32.
- Ochmański J., 1986: *Dawna Litwa: Studia historyczne*. Olsztyn.
- Rieger J., 1995: W sprawie genezy i ewolucji polszczyzny w Wielkim Księstwie Litewskim, *Studia nad polszczyzną kresową*. T. VIII, 31–38.

- Topolska M. B., 2002: *Spoleczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku*. Poznań—Zielona Góra.
- Turska H., 1925/1983: Język polski na Wileńszczyźnie, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. II. 15–23 [Przerdruk].
- Turska H., 1939/1982: O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. II. 15–23 [Przerdruk].
- Urbańczyk St., 1988: Kto uczył Litwinów mówić po polsku, *Język Polski*. T. LXVIII, 210–212.
- Ušinskienė V., 2014: Komunikacja prawna Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle nowego projektu naukowego Biblioteki Uniwersytetu Wileńskiego, in *Kalbą ir literatūrą funkcionavimas Lietuvoje. Lietuvių-lenkų moksliniai ir kultūriniai ryšiai / Funkcjonowanie języków i literatur na Litwie. Litewsko-polskie związki naukowe i kulturowe*. Vilnius, 42–53.
- Verenich V.L., 1973: Sostojanie i perspektivy izuchenija “pol’shhizny kresovoj”, in Martynov V.V. (red.), *Pol’skie govory v SSSR*. I. Minsk, 183–201.
- Wasilewski L., 1912: *Litwa i Białoruś. Przeszłość—Teraźniejszość—Tendencje rozwojowe*. Kraków.
- Wielhorski W., 1928: *Litwa etnograficzna. Przyroda jako podstawa gospodarcza, rozwój stosunków narodowościowych*. Wilno.
- Zdaniukiewicz A.A., 1992: O powstaniu i rozwoju języka polskiego na Kresach wschodnich — polemicznie, in *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria VIII, 171–176.
- Zinkevičius Z., 1993: *Rytų Lietuva praetyje ir dabar*. Vilnius.

VIKTORIJA UŠINSKIENĖ

On the Issue of the Formation of Polish Dialects in Lithuania: the Discussion Around H. Turska

One of the most controversial problems in Polish historical dialectology is the question of the genesis of the Polish language in the North-East Borderland of Poland, i.e., the variety of the Polish language which has developed in the former territory of the Grand Duchy of Lithuania (GDL). Some important aspects of the evolution of this language – first of all – its dialectical substrate and the chronology of the development of its different variants, have still not received an unambiguous interpretation, and this has inspired further scientific research. The article deals with the systematization of the main approaches to the chronology of the formation of Polish dialects in Lithuania. It includes a systemic survey of the concepts made by important researchers of the Polish language of the borderland, such as K. Nitsch, H. Turska, J. Rieger, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, V. Chekmonas and others.

Historical circumstances in the GDL created a special relationship between the local Polish subdialects and the standard (cultural) dialect. Within the conditions of the autochthonic development of the language, its official sub-system is formed on the basis of the dialects, while we can observe the reverse process in Lithuania, as the Polish standard dialect was formed there much earlier than the rural dialects. The areas of the Polish rural

subdialects had been formed in the GDL around the second half of the 19th century as a result of the gradual polonization of the Lithuanian and Belarusian countryside. The attempts of several scholars to shift the time of their formation to an earlier period of time, namely to the 16th-18th centuries, seem to be insufficiently convincing.

Keywords: Polish dialects in Lithuania, Northern Kresy dialect, Polish culture of GDL.

VIKTORIJA UŠINSKIENĖ

Dėl lenkų tarmių formavimosi Lietuvoje problemos: polemika aplink H. Turską

XX amžiuje viena iš labiausiai kontroversinių lenkų istorinės dialektologijos problemų tapo šiaurės rytų paribio lenkų kalbos genezė, t. y. tos lenkų kalbos atmainos, kuri atsirado buvusios LDK teritorijoje. Kai kurie svarbūs šios kalbos evoliucijos momentai, visų pirma jos dialektinio substrato ir įvairių variantų atsiradimo chronologija, neįgijo vienintelės interpretacijos iki šiol, o tai skatino mokslininkus tolesniems tyrimams. Šio straipsnio objektas – įvairių mokslinių koncepcijų, skirtų šiaurės rytų paribio lenkų tarmių genezei, sisteminimas. Straipsnyje aptariamasi ir sisteminamos žinomų paribio lenkų kalbos tyrėjų K. Nitsch, H. Turska, Z. Kurzowa, J. Rieger, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa ir kt. koncepcijos.

Autochtoninės etninės kalbos raidos sąlygomis jos dalykinis posistemis formuojasi remiantis liaudies dialektais, o LDK šis procesas vyko priešinga kryptimi: lenkų kalbos tarmės čia susiformavo veikiamos išsilavinusios lenkų tautos dalies kalbos, be to, ištisi lenkiškų tarmių arealai, kaip parodė dar H. Turska, atsirado čia gana vėlai – maždaug antroje XIX a. pusėje, tolydžio polonizuojant kaimo vietas (tiek lietuviškas, tiek baltarusiškas). Kai kurių mokslininkų bandymai priskirti šį procesą ankstesniems laikams (XVI–XVIII a.) atrodo nepakankamai pagrįsti.

Reikšminiai žodžiai: lenkų tarmės Lietuvoje, šiaurės rytų paribio lenkų dialektas, LDK lenkiškoji kultūra.

Поступило в редакцию: 12 августа 2016 г.

Принято к печати: 25 ноября 2016 г.

Виктория Ушинскиене, доктор гуманитарных наук, доцент Центра полонистики Вильнюсского университета.

Viktorija Ušinskienė, PhD (Humanities), Assoc. prof. of the Polish Studies Center of Vilnius University.

Viktorija Ušinskienė, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Polonistikos centro docentė.

E-mail: viktorija.usinskiene@gmail.com

Nina BARSZCZEWSKA
Miroslaw JANKOWIAK

DIALEKTOLOGIA BIAŁORUSKA

Institut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk